

И.Ю. ВИНОКУРОВА

ХЛЕВ В ОБРЯДАХ И ВЕРОВАНИЯХ ВЕПСОВ

«Боженька! Сохрани мой дом, семью, детей, мою скотинку от Божьего гнева, дурного глаза, длинного языка». Так в переводе выглядит заклинание, с которым вепсы часто обращались к Богу, а также к христианским святым и к некоторым мифологическим персонажам. В нем перечислены главные составляющие счастья вепского крестьянина, среди которых благополучие домашних животных занимало неотъемлемое место. По вепским народным представлениям, состояние скота во многом зависело от хлева, в котором он обитал большую часть года — примерно от Покрова до весеннего Егорьева дня — и по ночам в пастбищный период. «Каков хлев, такова и скотинка», — гласит вепская поговорка.

Хлев у вепсов, как и у соседнего русского и карельского населения, представлял собой часть единого строительного комплекса (дома-двора), носившего название *horomad* (фото 1). Такие слитные комбинации жилых и хозяйственных помещений были распространены на вепской территории уже в XVII—XVIII вв.¹ Однако способы соединения — связи — дома и двора различались у разных групп вепсов. Довольно распространенной на вепской территории была однорядная связь, которая встречалась в двух вариантах. У северных (западный берег Онежского озера, Карелия) и средних (Вологодская и Ленинградская обл.) вепсов обычно изба на высоком подклете соединялась с сенями и двухъярусным двором под одну крышу (фото 2). На первом этаже двора располагался хлев, а на втором — сарай, где хранили сено, бытовую инвентарь, сани, телеги. У южных вепсов (Ленинградская обл.), наряду с описанным выше, чаще встречался более древний вариант однорядной связи. В нем сени соединяли избу с двухъярусным сараем, за которым пристраивались один, а иногда — два хлева. Такой жилищно-хозяйственный комплекс имел трехступенчатый вид, так как каждая последующая постройка по высоте была ниже предыдущей и имела само-

ИРИНА ЮРЬЕВНА ВИНОКУРОВА, канд. ист. наук; Ин-т языка, литературы и истории Карельского научного центра (Петрозаводск)

Фото 1. Северновепские «хоромы» (с. Рыбрека Прионежского р-на Карелии). Фото А.П. Косменко

Фото 2. Дом с однорядной связью (средние вепсы, с. Немжа Подпорожского р-на Ленинградской обл.)

стоятельную крышу (фото 3, 4). Различное положение хлева в композиции жилища нашло отражение в фольклоре, обрядах и верованиях вепсов. Так, вепская загадка «Корова в хлеву, рога на улице», имеющая ответ «Печь топится», скорее относилась к хлеву, над которым не было сарая. И наоборот, к хлеву, располагающемуся под сараем, относилось такое га-

дание: в Рождество перед заутренней подметут везде пол и сор вынесут на сарай, встанут на сор и слушают, что будет в этот год со скотом².

В вепском языке существует два названия для обозначения хлева: *lävä* (*läü*) и *tanaz*, причем последнее обозначает одновременно и двор. В хлеву вепсы держали лошадей, коров, телят, овец, иногда уст-

Фото 3. Дома с трехступенчатой конструкцией (южные вепсы, д. Бобозеро Бокситогорского р-на Ленинградской обл.). Фото И.Ю. Винокуровой

Фото 4. Южновепский дом с однорядной связью. Фототека Этнографического музея г. Тарту (Эстония)

равняли насест для кур. Разные виды скота были отделены друг от друга перегородками.

Хлев, как и традиционное жилище в целом, представляет собой явление культуры, в котором отразились древние представления вепсов о пространстве. В основе выбора места для строительства дома-двора лежали народные представления о разделении пространства на положительное и отрицательное, безопасное и опасное. Вепсы, как и русские, никогда не строили дом на бывшей дороге, меже; на месте старого дома, где случались различные несчастья: болезни, пожар и т.д. В то же

время в выборе места руководствовались и практическими соображениями. В частности, для места под хлев хозяева обычно выбирали утрамбованную почву, которая задерживала бы утечку удобрений.

Следующим этапом строительства являлась закладка дома-двора в виде сооружения первого венца сруба. Как и многие другие народы, вепсы сопровождали его жертвоприношением. В южновепских деревнях на местах, отведенных под дом и хлев, которые были огорожены бревнами, скрепленными в первый венец, кланялись в каждый угол и «просились на место» сначала у духов-«хозяев» дома, а за-

тем — у духов-«хозяев» хлева: «Хозяин дома, хозяин хлева! Пустите на это местечко!»³ Далее в каждый угол клали две веточки шиповника и медные деньги. Установка первого венца сруба имела глубокий символический смысл. Она как бы отделяла домашнее пространство от недомашнего, свое от чужого, и частью своего пространства был хлев. У южных вепсов существовали представления, что с закладкой нового жилища в нем появляются и новые духи-«хозяева» дома и хлева. Сохранились поверья, что они — бывшие духи-«хозяева» земли⁴. Такие же представления известны и в других вепских группах. Исключением, пожалуй, являлись только средние оятские вепсы (Ленинградская обл.), которые, как и восточнославянские народы, в новое жилище из старого «переносили» прежних духов-«хозяев» дома и хлева в горшке с горящими углями или в лапте.

«Хозяин» хлева у вепсов носил название *lävân ižand* либо *tannazižand*. Среди народных описаний его внешности наиболее ранними являются зооморфные образы. У средних и южных вепсов встречались сообщения о хлевнике в облике крысы, лягушки, змеи⁵. Рассказы о появлении хлевника в образе ласки, которая у полюбившейся лошади поедает шерсть на шее, а любимице заплетает в косички гриву, были записаны у вепсов Прионежья и Шимозерья⁶. Подобная мифологизация была характерна для всего Европейского Севера⁷. Но чаще всего информанты рисовали хозяина хлева в виде старичка маленького роста, у которого была жена — маленькая старушка. В отличие от других вепских групп, рассказы южных вепсов о хлевнике свидетельствовали о наличии у этого духа большой семьи, состоящей из жены, детей, иногда — бабушек и дедушек, которые по порядку перечислялись в закланьях.

Временем появления хозяина хлева перед людьми была всегда ночь. Как сообщила автору статьи С.Н. Самакова из д. Озера, «лева и левиха на людей похожи». Ее мать рассказывала, что увидеть, когда они начинают «комедить», можно только ночью, стоя за полуоткрытой дверью и глядя через дверные петли. По рассказам других информантов, днем хозяева хлева невидимы, но их можно неожиданно увидеть ночью или во сне. Такое внезапное появление хозяев хлева, как правило, предвещало несчастье со скотом.

Например, А.М. Бошаков из д. Шокша рассказывал, как ночью перед ним появился старик — хозяин хлева — и громко захохотал, обнажив громадные белые зубы, а на следующий день при перевозке бревен лошадь поломала ногу. Эстонская исследовательница М. Йоалайд приводит аналогичное сообщение вепсынки М. Михайловой: «После того как животные были переселены в новый хлев, ей приснилась хозяйка хлева, горбатая сухая старушка. Вскоре пропала овца, через неделю — другая»⁸.

У вепсов комплекс верований и обрядов, связанных с духом хлева, был достаточно развитым и отличался от верований и представлений, связанных с домовым. Это характерно для народов лесной зоны Европейского Севера — северных русских, карел, вепсов, финнов, ижор, води, которым был присущ жилищно-хозяйственный комплекс дома-двора. В средней и южной полосе России, а также в Западной Европе, западной Финляндии и в Эстонии работа на скоте считалась компетенцией домового⁹. Раздвоение образов домового и хлевника довольно четко прослеживается, например, в южновепском обряде перехода в новое жилище, в котором «освоенные» нового дома и хлева представляло собой своего рода дублирование. Сначала в дом запускали петуха и кошку, а затем входили все члены семьи. Хозяйка ставила в каждый угол избы для домового ломтя хлеба с солью, кланялась и просила его принять семью на житье в новый дом. Далее она шла в хлев и такую же жертву раскладывала по его углам для хлевника, произнося просьбу пустить на новое местожительство животных. После этого животных загоняли в хлев.

Жертвоприношение «хозяину» хлева и обращение к нему с заклинаниями, как правило, являлось постоянной частью вепских ритуалов, совершаемых в хлеву. На Покров во время обряда закрывания скота в хлев на зиму южновепская хозяйка тоже раскладывала в углах хлева по куску хлеба, завязанному в красную тряпочку, кланялась в каждый угол и приговаривала: «Хлевный хозяйюшко, хлевная хозяйюшка! Ешьте, пейте! Караульте пегих телят, черных коров!»¹⁰ На наш вопрос о том, зачем гостинцы заворачивали в материал красного цвета, информанты отвечали: «Чтобы скот был красне (т.е. красивее)», «чтобы животные были здоровее». По-видимому, красный цвет у вепсов, как

и у многих других народов, ассоциировался с плодovitостью и жизнью.

У средних (оятских и капшинских вепсов в Ленинградской обл.) подобное приношение «хозяевам» хлева совершалось только в случае болезни скота.

Одной из причин заболеваний животных считался недосмотр хлевника или его месть хозяевам дома за неправильное обращение со скотом. Так, А.Я. Давыдова из д. Кекозеро рассказывала: «Если ты скотину обругаешь или сильно ударишь, придет час, когда скотина у тебя заболит. Прихожу иногда, корова пошла не пьет. Пойдешь во двор, просишь прощения. В каждый угол поклонюсь, говорю: «Хозяева, хозяйюшки! Простите, не плохо ли я сказала, не ругала ли плохими словами, простите меня на этот раз». Четыре раза так. Придешь, смотришь, корова уже веселая и ест, пьет». Для борьбы с болезнями применялись не только задабривания духов и заклинания, но и меры церковного происхождения. У шимозерских вепсов, «если на одном дворе в течение короткого времени отмечался падеж нескольких голов скота, приглашали священника для молебна в доме с «водосвятием» всех хлевов и всего в них содержимого, не исключая и навоза, и угла под «отхожим» местом»¹¹.

В народном сознании болезнь скота или ее причина могли представляться в виде какого-либо предмета, который с наговором подбрасывали на скотный двор. Таким предметом часто была кость павшего животного, спрятанная в хлеву со словами: «Как эта лошадь, корова или овца околела, так пусть на этом дворе околуют все лошади, коровы, овцы»¹². В то же время другой предмет, внесенный в хлев, мог остановить эпизоотию, способствовать плодovitости скота. Например, способом прекращения падежа овец было внесение в хлев в загородку для овец муравьиной кучи¹³. Для увеличения же плодovitости скота было принято в каждый угол хлева сажать кусты ивы¹⁴.

Появление чужого человека в хлеву также, по верованиям вепсов, могло вызвать «порчу» животных. Поэтому во время дойки или продажи скота входило чужому в хлев строго запрещалось. Эти представления лежали и в основе верований во вредоносную магию — «перевод удачи» с чужого хлева в свой в Великий четверг. В этот день до восхода солнца злоумышленники тайно забирались в со-

седский хлев и воровали шерсть с овец, чтобы перетянуть к себе овечий приплод. Некоторые хозяйки брали навоз из чужого хлева, клали его в фартук и помахивали фартуком в сторону своего дома. Это действие означало перегон скота с чужого хлева на свой¹⁵.

В хлеву, как и в доме, семантически значимыми объектами были дверь и особенно порог, которые в мифологическом сознании рассматривались как границы «своего» и «чужого» мира. У вепсов бытовало поверье, что если животное постоянно стоит головой к двери, то непременно пропадет. Выход из хлева имел большое значение в обряде первого выгона скота на пастбище. Совершив на скотном дворе обход животных, хозяйка выпускала их через дверь хлева, на косяке которой лежали икона и верба, а на пороге какой-либо обег — топор, кочерга, пояс, шуба или хлеб. Значимость выхода из хлева также подчеркивал текст заговора, произносимый в этот момент:

Каменная стена,

Железная перегородка,

От земли до неба

Для этого любимого стада»¹⁶.

Известно, что порог дома у многих народов, в том числе и вепсов, являлся местом проведения различных лечебных обрядов у детей и взрослых. На пороге хлева вепсы лечили болезни у скота. Например, для того чтобы заставить корову стоять во время дойки, хозяйка несла ей ведро с приготовленным пойлом, ставя его на три порога (избы, сеней и хлева) и говоря при этом: «Как крепко стоит порог, так крепко бы стояла и моя корова ... (называла кличку)»¹⁷.

Противопоставление «своего» и «чужого» пространства и представление о двери как границе между ними наиболее ярко реализовывались в обряде продажи/покупки скота. Обряд можно рассматривать как переход животного из хлева продавца в хлев покупателя. Накануне продажи вечером продавец заходил в хлев, кланялся в каждый угол и просил разрешения у духов-«хозяев» продать животное, называя его масть и кличку. Рано утром покупатель приходил к продавцу и ожидал товар на улице. Заходить в хлев ему строго запрещалось. Осмотрев животное, покупатель расплачивался. Во время покупки соблюдались следующие условия: деньги нельзя было передавать из рук в руки и класть на голый стол или землю.

не постелив предварительно платок. Животное передавали за веревку, из полы в полу, обязательно в рукавицах. Эти условия были связаны с идеей счастья, благополучия, плодovitости скота¹⁸. После выгона животного за ворота усадьбы продавец собирал землю с отпечатками его следов и бросал их в хлев, т.е. как бы возвращал обратно утраченное животное. В свою очередь, покупатель землю с отпечатками копыт бросал впереди себя, чтобы купленная лошадь или корова забыла обратную дорогу. С этой же целью новый хозяин крестил хвостом животного обратный путь, т.е. как бы сооружал для него преграду к старому хлеву. При этом он произносил заклинание, в котором противопоставлялись новая и старая сторона, причем первая наделялась положительным значением: «Впереди светло, позади темно»¹⁹. Последней границей, которую следовало преодолеть животному, был порог нового хлева, на который стелилась шуба мехом вверх. В хлеве хозяин кланялся в каждый угол и просил его духов принять под свое покровительство новое животное. Окончанием обряда было забивание гвоздя в кормушку для скота, которое означало прибавление еще одного животного.

В хлеве, как и в избе, высокой семитической нагрузкой обладала матица. Она рассматривалась как основа, незыблемость и постоянство всего строения и живущего в нем. В Егорьев день перед первым символическим выгоном скота на пастбища хозяйка пекла особый пирог, в который запекала клочки шерсти, срезанные с каждого домашнего животного. Этот пирог клали за матицу и хранили там весь год²⁰. Считалось, что пирог за матицей обеспечит сохранность животных. После отела коровы ее обмывали чистой водой с помощью березового веника. Далее, чтобы корова всегда была в хозяйстве, чтобы она была здорова и плодovита, веник со двора не выкидывали, а убирали на вечное хранение под матицу.

По представлениям вепсов, как земля не должна быть голая, когда выпускается скот на подножный корм, так и пол в хлеву не должен быть голый. Только при соблюдении такого условия животные были здоровы и плодovиты. В среде оятских вепсов при закладке скотных дворов совершался следующий обряд: место, отведенное под хлев, очищали от мусора, а затем «засевали» зерном, чтобы «скот

родился рослым, красивым, здоровым»²¹. В Пондале зерна трех сортов (ячмень для коров, рожь для лошадей, овес для овец) разбрасывали при окончании строительства хлева²². Зерно, как известно, является универсальным символом плодородия. После очищения хлева от навоза, прежде чем настелить хвою, у вепсов повсеместно было принято разбрасывать по полу хлева зерна овса, ржи и ячменя, сопровождая это действие заклинанием: «Как зерно растет, так пусть растет и мой скот» (средние и южные вепсы); «Как зерна плодятся, так и животные плодятся» (северные вепсы)²³.

С идеей плодородия земляного пола в хлеве (земли — в широком смысле) были связаны вепские обряды с последом теленка, жеребенка или ягненка. Его зарывали в хлев. Повреждение и уничтожение последа влекло за собой неблагополучие в состоянии животного: корова могла лишиться молока, потерять спокойствие во время дойки и т.д.

Хлев у вепсов был не только местом совершения скотоводческих обрядов, но и некоторых ритуалов жизненного цикла человека. Так, во время проведения южновепской свадьбы прибытие новобрачных в дом жениха происходило не через сени, а через хлев. Вдоль всего хлева, а иногда и сарая, если постройки строились одна за другой, до входа в избу растягивался белый холст, по которому проходили молодые. В данном обряде явно просматривается стремление его участников миновать главный вход в дом и, особенно, его порог. Преодоление его было крайне опасным для главных действующих лиц обряда, меняющих свой социальный статус.

Как следует из материалов многих культурных традиций, роды в традиционном обществе почти всегда происходили за пределами человеческого жилья. У вепсов, как правило, — в хлеву. Такой выбор места был связан с древними взглядами народа на рождение человека как на его приход в «мир людей» из «иного мира». Роль «иного мира» в этом случае играл хлев, а «миром людей» была изба. Первой символической границей, которую необходимо было пересечь новорожденному, чтобы попасть в «мир людей» был порог избы. Преодоление этой границы у вепсов сопровождалось следующим обрядом: свекровь, принимавшая роды, клала за-

вернутого в пеленки новорожденного вдоль порога, а идущая следом мать перешагивала через порог и ребенка. В народных интерпретациях перешагивание рассматривалось как способ оберегания младенца в момент его первого появления среди людей.

Таким образом, хлев занимал большое место в вепской народной обрядности и верованиях. В одних случаях он был частью «своего», «освоенного» пространства; в других — принимал противоположное значение; в третьих — был границей между мирами.

Примечания

¹ Пименов В.В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.: Л., 1965. С. 226.

² Архив Русского географического общества (далее — РГО). Р. 119. Оп. 1. № 344. Тетр. 7. Л. 7.

³ Зайцева М.И., Муллонен М.И. Образцы вепской речи. Л., 1969. С. 264.

⁴ Joalaid M. Elamuga seotud kombestikust lõuna-vepsas // Etnograafiamuuseumi aastaraamat XXX. Tallinn, 1977.

⁵ Полевые материалы автора; Азовская Л.П. О верованиях вепсов // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 150.

⁶ Полевые материалы автора.

⁷ Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. С. 139.

⁸ Joalaid M. Указ. соч. С. 230.

⁹ Там же. С. 229.

¹⁰ Винокорова И.Ю. Аграрная обрядность начала зимы у вепсов (конец XIX — начало XX в.) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 12.

¹¹ Архив РГО. Р. 119. Оп. 1. № 343. Л. 21.

¹² Там же.

¹³ Архив РГО. Р. 119. Оп. 1. № 343. Л. 20.

¹⁴ Винокорова И.Ю. Аграрная обрядность начала зимы... С. 24.

¹⁵ Винокорова И.Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX — начало XX в.). СПб., 1994. С. 65.

¹⁶ Винокорова И.Ю. Ритуал первого выгона скота на пастбище у вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 7.

¹⁷ См.: Зайцева М.И., Муллонен М.И. Указ. соч.

¹⁸ Полевые материалы К.К. Логинова.

¹⁹ Фонотека Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ). 3288/74; 3687/44 — записи автора.

²⁰ Полевые материалы К.К. Логинова.

²¹ Архив РГО. Р. 119. Оп. 1. № 344. Л. 73.

²² Зайцева М.И., Муллонен М.И. Указ. соч. С. 271.

²³ Винокорова И.Ю. Аграрная обрядность начала зимы... С. 24.